

№ 2 ОКТ 1974

5

НАРОДНЫЙ АРТИСТ
СССР
ЮРИЙ НИКУЛИНПечатается
с продолжением

Все долго смеялись, а девушку приняли.

Сдавал я экзамен и в Государственный институт театрального искусства имени Луначарского, где экзаменационную комиссию возглавлял артист С. Гушанский.

Когда я впервые увидел его, идущим по коридору ребят (был такой театр рядом с нашим домом). И если мне приходилось его встречать в нашем переулке, то я долго провожал взглядом любимого артиста — исполнителя главных ролей в спектаклях: «Улица радости», «Нахлебник», «Пакет» и других.

Во время моего исполнения прозы и басни все сидели тихо, внимательно слушая.

А во время чтения стихов в комиссии возник смех и я почувствовал, что мое чтение нравится.

В коридоре меня обступили студенты-старшекурсники, которые присутствовали на экзамене, и начали меня наперебой ободрять.

— Гушанский смеялся. Тебя примут. Ты всем понравился.

Во время хождения по узким, темным, довольно грязным коридорам института, встречаясь со многими поступающими, я все время слышал легенды о счастливых поступлениях в институт.

Рассказывали, как один парень провалился. А он был способный. На следующий день к ректору института и в приемную комиссию пришла женщина и долго всех уговаривала принять своего племянника, который слит и видит себя артистом театра. Эта женщина всем так надоела, что ее чуть ли не силой хотели выпроводить из института. И когда все члены комиссии стали кричать, злиться, доказывая, что ее племянник бездарный, женщина отвернулась, закрыла свое лицо руками и через секунду все увидели, что это не женщина, а тот самый юноша, который поступал в институт, а ему отказали в приеме.

Вся комиссия ахнула. Потом долго смеялись и этого человека приняли в институт. Я слушал эти легенды и думал про себя: «Вот мне бы так».

Пришло время конкурса. Я старался выглядеть как можно естественней и читать как можно спокойней.

Пригласили меня в комнату, и первым, кого я увидел, был знаменитый Тарханов. Он сидел за столом скрючившись, и почему-то смотрел в пол.

Ты читаешь, а тебя не слушают. Это страшно отвлекло и мешало. (Только потом стало известно, что, оказавшись, у Тарханова начался сильный приступ печени, он только что принял лекарство и ждал, когда боль стихнет).

Результаты экзамена объявляли на следующий день. Пришел в институт и, волнуясь, начал читать списки принятых. Фамилии Никулина в них не оказалось. Прочел еще раз списки. На этот раз медленно. И снова себя в них не нашел.

Грустный, ходил по узким зигзагообразным коридорам института. Было обидно, но идти домой не хотелось. В это время ко мне подошел симпатичный, с внимательными глазами молодой человек.

— Здравствуйте, — сказал он просто и тут же представился. — Меня зовут Толя. Фамилия — Эфрос. Я знаю, что вас не приняли. Но вы не расстраивайтесь. Мы хотим вас попробовать в нашу студию.

— В какую студию?

— В Ногинске есть театр. Им руководит Константин Воинов. Талантливый и умный человек. Я сам заканчиваю режиссерский факультет здесь, в ГИТИСе. И помогаю Воинову. Мы сейчас организуем студию в Москве. В дальнейшем из нашей студии должен родиться театр. Предлагаю вам попробовать. Вот вам телефон.

И Анатолий Эфрос тут же дал мне записку с номером телефона. Не придавая никакого значения записке, я автоматически положил ее в карман, решив про себя, что ни в какую студию пробоваться не буду, а продолжу свои попытки поступить в профессиональный коллектив. В запасе оставались: студия Камерного театра и вспомогательный состав театра имени МГСПС, как раньше назывался театр Моссовета.

К сожалению (а может быть, как потом мне говорил Завадский, к счастью), мне не повезло. После первого же прослушивания меня во вспомогательный состав театра не зачислили.

До начала экзаменов в студию Камерного театра оставался месяц. И тут я вспомнил о записке Анатолия Эфроса.

«А что, — думаю, — может быть, пойти в студию? Все-таки реально предложение...».

Позвонил Эфросу. Мы договорились о встрече. Он тепло со мной поговорил и назначил свидание у Константина Наумовича Воинова.

(Мог ли я тогда предполагать, что через несколько лет получу приглашение сниматься в одном из первых фильмов Воинова «Молодо-зелено», где сыграю одну из первых своих киноролей?!)

В студии Воинова читал прозу, стихи, басню, пел, играл на гитаре и даже танцевал. Экзамен продолжался более часа. И меня приняли.

Воинов собрал вокруг себя немало талантливых молодых людей. Многие из них потом стали профессиональными интересными артистами: Валентин Зубков, Геннадий Дудник, Георгий Юматов... Все они были одержимы искусством.

Занимаясь в студии Воинова, я ожидал экзаменов в Камерном театре, которые должны начаться в сентябре: последняя надежда получить специальное театральное образование.

Во все вузы и студии Москвы, куда только мог успеть, я держал все лето экзамены. Только в училище МХАТа не рискнул подать заявление.

Настроение было отравительным. В довершение ко всему девушка, с которой переписывался во время войны и которой сделал предложение, неожиданно сообщила мне, что она выходит замуж за летчика.

Мама продолжала работать на «Скорой помощи» диспетчером. Отец писал ретризы, фельетоны, частушки, но их плохо брали. Мне полагалась иждивенческая карточка. Студия Воинова не только не считалась местом работы или учебы, но даже справку о том, что я занят делом, не имела возможности выдать, не говоря уже о том, чтобы обеспечить продовольственной карточкой.

Как жить дальше? Может быть, поступить в педагогический институт? (Среди моих родных были педагоги). А может быть, пойти работать? Но куда? Ведь никакой гражданской специальности у меня нет. С таким настроением отправился в райотдел милиции, куда меня вызвали повесткой.

— Что же вы, товарищ Никулин, — укоризненно говорил пожилой капитан, — демобилизовались в мае, сейчас август, а вы до сих пор нигде не работаете? Получаете иждивенческую карточку. Чем вы занимаетесь?

— Да вот поступал учиться, не вышло. Не принимают меня нигде. Сейчас снова пробую.

— Как так не принимают?

— Вот так и не принимают, — ответил я с огорчением.

— Так идите к нам учиться. У вас среднее образование, вы — член партии, фронтовик. Нам такие люди нужны, — предложил капитан, которому, я, видимо, понравился. — У нас хорошо. Будете получать карточку, выдадут вам форму, если нужно, у вас же одна комната на троих, жильем поможем. У нас, в милиции, много интересной работы. Подумайте, а?

Вышел на улицу, и где-то промелькнула мысль. «А что, если, верно, пойти в милицию? Специальности-то гражданской никакой нет...».

(Начало см. в №№ 224—230).